

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы, динамика

Владимир Александрович КОЛОСОВ

доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией
геополитических исследований, заместитель директора
Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., д. 29, Москва, Российская
Федерация
E-mail: kolosov@igras.ru
ORCID: 0000-0003-2817-9463

Александр Борисович СЕБЕНЦОВ

кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории
геополитических исследований
Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., д. 29, Москва, Российская
Федерация
E-mail: asebentsov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-9665-5666

Никита Леонидович ТУРОВ

младший научный сотрудник лаборатории геополитических исследований
Институт географии РАН, 119017, Старомонетный пер., д. 29, Москва, Российская
Федерация
E-mail: turov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-7611-4985

ЦИТИРОВАНИЕ: Колосов В.А., Себенцов А.Б., Туров Н.Л. (2021)

Неконтролируемые территории в современном мире: теория, генезис, типы,
динамика // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.
Т. 14. № 1. С. 23–51. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Статья поступила в редакцию 15.10.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках проекта Российского
научного фонда «Постсоветские непризнанные государства: факторы
жизнеспособности и риски для России» № 19-17-00232.

АННОТАЦИЯ. *Неконтролируемые территории (НТ) привлекают внимание все большего числа исследователей. Однако большинство публикаций посвящено лишь одному из типов НТ – непризнанным государствам. Цель рабо-*

ты – оценить и проанализировать изменения площади и населения всех НТ в разных макрорегионах мира в 2006–2010 и 2014–2019 гг. Условно выделены и охарактеризованы пять направлений исследования таких террито-

рий. Авторы различают несколько видов и территориальных рисунков контроля над территорией, предлагают типологию НТ и подробно рассматривают методику и трудности создания базы данных о них. Обострение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. привело к росту числа международных конфликтов, увеличению площади и численности населения НТ в Азии, Африке и Европе. Фактическая сецессия в наибольшей степени затронула обширные зоны проблемной государственности в Азии и Африке, в которых, по оценке авторов, проживало соответственно около 45 млн и 138 млн человек. Возникновение НТ представляет собой частный случай фрагментации политического пространства на разных территориальных уровнях – следствие турбулентной трансформации мирового геополитического порядка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неконтролируемые территории, непризнанные государства, фрагментация политического пространства, сепаратизм, сецессионизм

Введение

Неконтролируемые официальными правительствами территории (в т. ч. непризнанные государства) еще в эпоху биполярного мира стали неотъемлемым элементом мирового геополитического порядка. Они возникли в результате процессов деколонизации, избирательности процессов глобализации, обошедших стороной многие страны и регионы мира, лишенные благ современной цивилизации, прозябающие в нищете и увязшие в локальных конфликтах за скудные ресурсы, распада полиэтнических сложносоставных государств, столкновения интересов

крупных мировых игроков. На неконтролируемых территориях официально признанные другими государствами власти не способны или не хотят полноценно осуществлять силовой и иные виды контроля, а также участвовать в создании и распределении политических благ. НТ управляются собственными властями (непризнанные государства, НГ) или же лидерами партизанских армий, полевыми командирами, наркобаронами и местными вождями [Колосов, Мироненко 2001; Большаков 2007; Добронравин 2011; McGarry 2004]. Общепринятой терминологии для обозначения неконтролируемых территорий ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не сложилось. Для их обозначения используется множество терминов, иногда отличающихся некоторыми нюансами, но по сути идентичными: регионы оспариваемой (или неполной, слабой, дефектной, конкурирующей и т. п.) государственности, серые зоны, зоны фактической сецессии. В качестве синонимов термина «непризнанное государство» нередко используются «де-факто государство», «квазигосударство», «псевдогосударство» (подробнее об этом см. [Попов 2011]).

За последние три десятилетия их число умножилось, хотя некоторые неконтролируемые территории просуществовали лишь короткое время. НГ относительно более стабильны, некоторые из них существуют уже несколько десятилетий. Однако отсутствие прочных международных договоренностей по урегулированию конфликтов, связанных с их образованием, всегда таит риск нового опасного кризиса, что ярко показало возобновление полномасштабных военных действий между Азербайджаном и Арменией в сентябре 2020 г.

Кризис государственности во многих регионах мира и связанные с ним процессы фрагментации политическо-

го пространства, спровоцированные как внутренними причинами, так и иностранным вмешательством, – фундаментальная научная проблема. Число государств в мире медленно, но неуклонно увеличивается: в 1991 г. в ООН состояло 166 членов, а в настоящее время – уже 193.

Сецессионистские движения разной интенсивности и генезиса охватили не менее 75 стран [Попов 2012]. Фрагментация политического пространства, несомненно, будет и дальше продолжаться на разных территориальных уровнях: государств, их районов и других территорий.

Причины возникновения неконтролируемых территорий – чаще всего острый национальный конфликт, гражданская война, в которую нередко вовлекаются иностранные державы. Большую роль играют экономические интересы местных лидеров, для обоснования которых привлекаются этнокультурные аргументы и требования справедливости. В теоретическом плане образование НТ – результат избирательности процессов глобализации, углубляющих контрасты между странами и регионами и влияющих на соотношение тенденций интеграции и дезинтеграции политического пространства, перераспределение барьерных и контактных функций политических границ (*de-bordering* и *re-bordering*). Фрагментации политического пространства способствуют неопределенность перспектив, рост социальной и политической турбулентности, асимметрия и асинхронность развития соседних территорий, фрустрация и неуверенность граждан в завтрашнем дне, усложнение и кризис их идентичности. Вынужденное подчинение международным нормам и правилам, разработанным при решающем участии и в интересах наиболее сильных игроков, вызывает во многих странах и регионах закономерный протест.

Другой глобальный фактор, влекущий за собой глубокие социальные трансформации на уровне стран и регионов, связан с ростом территориальной мобильности граждан. «Миграционный навес» (выражение А.Г. Вишневого), порожденный драматическими территориальными различиями в уровне благосостояния, довлеет не только над странами «золотого миллиарда», но и другими регионами. В результате расширяющихся международных миграций размываются границы культурного и повседневного жизненного опыта людей, коллективная память прежних территориальных сообществ теряет свое единство и целостность (Ульрих Бек).

Большая часть стран мира – полиэтнические, и образование НТ – следствие полной неудачи правящего режима в создании общей для всего населения политической (национальной) идентичности в условиях клановости, трайбализма и ослабления в процессе глобализации и без того слабого государства. Критически важное значение этот фактор имел в Африке, где для этого требуются особые усилия, поскольку независимые государства унаследовали произвольные границы, возникшие как разделительные линии между колониальными владениями и разделившие ареалы расселения этнических групп [Foucher 1991].

Одним из базисов непримиримых конфликтов служит укрепление в ряде регионов мира, в т. ч. на постсоветском пространстве, «негативной» идентичности, основанной на противопоставлении себя «другому», в роли которого обычно выступает соседняя этническая или культурная общность, соседняя страна. В подобных случаях в целях обретения политической субъектности воскрешаются старые, «спящие» или конструируются новые идентичности. Предпринимаются попытки новой

интерпретации, реконструкции и политизации совместной истории, поддержания комплекса жертвы, культивирования действительных и мнимых исторических обид, проведения агрессивной «политики памяти». Политический дискурс обретает повышенную эмоциональность, «катастрофичность», что также часто ведет к политико-территориальным расколам (например, на Украине).

Цель настоящей работы – оценить динамику феномена НТ в макрорегионах мира в начале нынешнего столетия. Для этого потребовалось решить следующие задачи: 1) выявить основные направления изучения НТ и попытаться упорядочить терминологию; 2) разработать на этой основе методику создания информационной базы сравнительного исследования НТ и предложить подходы к оценке контроля над территорией; 3) рассмотреть динамику их площади, населения и особенности по макрорегионам.

Фрагментация мирового политического пространства в условиях глобализации: направления исследований

Изучение НТ как социального и политического феномена и неотъемлемой черты современного геополитического порядка долгое время оставалось на втором плане в тематике научных центров, да и число авторов, занимавшихся данным вопросом, было относительно невелико. Преобладали чисто «региональные» работы; сопоставительных исследований, в которых феномен НТ рассматривался бы в широком контексте, почти не было. Условно можно выделить следующие пять теоретических направлений исследования неконтролируемых территорий.

Первое направление касается фундаментальных междисциплинарных проблем, которые прямо или косвенно привели к образованию неконтролируемых территорий – глобализации и ее противоречивого воздействия на идентичность, суверенитет и государственность, процессов регионализации и интеграции. В работах видных отечественных и зарубежных авторов показано, что глобализация глубоко затронула возможности государств влиять на экономические и культурные процессы на их территории [Иноземцев 2008; Agnew 2009; Taylor, Flint 2018]. Это стало следствием, во-первых, формирования транснациональными корпорациями производственно-сбытовых и финансовых сетей глобального уровня [Krugman, Venables 1995]. Во-вторых, совершенствование транспорта и ИКТ усилило взаимозависимость стран, регионов, социальных сообществ. Повышение мобильности капитала и рабочей силы дало импульс развитию трансграничных регионов разного территориального уровня, основу которых составили экономические взаимодействия, сходная этническая и культурная идентичность, отличная от общегосударственных. В-третьих, процессы глобализации носят глубоко избирательный характер и усугубляют межрегиональные контрасты, что наряду с возросшими масштабами международных миграций оказывает серьезное воздействие на идентичность, ослабляя ассоциацию себя гражданами с общегосударственной общностью и, наоборот, укрепляя региональную идентичность, особенно в регионах, населенных этническими меньшинствами [Jones M., Jones R. 2004].

Еще одним проявлением глобализации стали два многоуровневых и связанных между собой процесса – интеграция и регионализация [Hettne, Söderbaum 1998]. Диалектическое со-

отношение между ними глубоко анализируется Дж. Розенау, автором концепции «фрагмерации» (*fragmeration*) [Rosenau 2002]. Этим и другими авторами показано, что на уровне отдельных регионов процесс регионализации тождествен интеграции, в то время как на внутрисоюзном уровне регионализация часто проявляется в деволюции – передаче полномочий от центра к регионам [Schmitt-Egner 2002]. Для объяснения соотношения между интеграцией и регионализацией такими известными мыслителями, как А. Аппадурай, Э. Гидденс и их последователями [Appadurai 1996; Giddens 1990; Elden 2007 и др.], выдвинуты понятия де- и ретерриторизации, означающие перераспределение властных полномочий между политиями и территориями под влиянием культурных и политических изменений. Ретерриторизация включает фрагментацию отдельных государств – следствие ослабления политического режима и его способности контролировать территорию и ключевые ресурсы страны, разрушение монополии государства на насилие, размывание общенациональной идентичности, неспособности предоставлять общественные услуги, замещение формальных институтов неформальными [Knight 1982].

НТ в этом контексте рассматриваются, с одной стороны, в качестве признака несостоятельности государства, а с другой – как проявление недостаточного статуса фактически существующих политий [Ильин 2008; Ильин 2011; Ильин, Мелешикина, Мельвил 2010; Berg, Kuusk 2010]. Попытка оценить соотношение между статусностью и состоятельностью привела к формированию концепции «неудавшихся» государств (*failed state*) [Rotberg (1) 2003]. Американский политолог Р. Ротберг полагает, что современные формы государственности представляют собой

непрерывный ряд от сильного (*strong state*) до «неудавшегося» или даже «рухнувшего» государства (*collapsed state*) [Rotberg (2) 2003]. Похожие типологии предлагали также российские исследователи в рамках проекта «Политический атлас современности» [Политический атлас 2007].

В работах, которые можно отнести ко **второму** из выделенных нами направлений, развивается теория государственного суверенитета и анализируются проблемы его эволюции в условиях глобализации. Важное теоретическое достижение этого направления в контексте нашего исследования – представление о том, что суверенитет, как и государственность, «делим» и измерим. Концепт «градуированного суверенитета» отсылает к различиям в степени государственного контроля над разными территориями одной и той же страны, например, «обычными» территориями и свободными экономическими зонами [Ong 2000]. Различают внутренний суверенитет, подразумевающий право и способность государства осуществлять контроль над своей территорией, и внешний, отражающий готовность других государств это право признавать. Косвенными показателями внешнего суверенитета и фактической легитимности непризнанного государства могут служить участие в международной торговле или переговорах по разрешению конфликта, сотрудничество с зарубежными акторами в борьбе с терроризмом и т. п. [Сергунин 2010; Ильин 2011; Jackson 2007; Kolsto 2006; Blakkisrud, Kolsto 2012]. Согласно С. Краснеру [Krasner 2009] и другим авторам, внешний суверенитет можно также определить как способность государства контролировать потоки людей, товаров и капиталов через его границы, запрет на вмешательство внешних акторов в его дела и международно-правовое основание равнопра-

вия с другими государствами. Косвенными показателями внешнего суверенитета непризнанного государства могут служить участие в международной торговле или переговорах по разрешению конфликта, сотрудничество с зарубежными акторами в борьбе с терроризмом и т. п. [Ильин 2011; Jackson 2007; Kolsto 2006].

С позиции теории государственного суверенитета существование НТ рассматривается в качестве одного из признаков деградации внутреннего суверенитета «материнского» государства. Одновременно рост способности властей НТ к созданию и распределению экономических и политических благ приводит к росту их внутреннего суверенитета. При этом накопление внутреннего суверенитета рассматривается как важнейшая предпосылка роста суверенитета внешнего, который проявляется в разной степени фактического признания, а затем и юридического признания. Зарубежные политики и географы ярко показали большие различия в характере отношений между внешними акторами и непризнанными государствами (от военной интервенции до частичного признания) и степени их вовлеченности в международные связи [Murphy 2002; Murphy 2010; Sidaway 2003; Caspersen 2012; Berg, Vits 2018]. Разработанные в рамках этого направления градации признания и варианты перехода от провозглашения суверенитета к утверждению в качестве признанного международным сообществом государства можно использовать для типологии НТ.

Большинство авторов делят НТ на территории с неразвитой государственностью («повстанческие государства», по Р.Ф. Туровскому [Туровский 1999]), «безгосударственные территории» (по Ф.А. Попову [Попов 2014]) и государства де-факто, обладающие всеми признаками суверенного государства, за

исключением формального признания («повстанческие государства», по Р. Макколу, М. Гласснеру и Х. де Блау; «квазигосударства», по Р.Ф. Туровскому; «псевдогосударства», по В.А. Колосову и Дж. О'Локлину) [Туровский 1999; McColl 1969; Glassner, De Blij 1989; Kolosov, O'Loughlin 1999].

Позже В.А. Колосов и А.Б. Себенцов предложили иную, более дробную типологию НТ, которая применяется и в данной работе [Себенцов, Колосов 2012]. Наиболее распространенный тип НТ – безгосударственные территории, в пределах которых ни материнское государство, ни повстанцы не способны или не могут осуществлять контроль и выполнять государственные функции. Наиболее типичная территория децентрализованного контроля – юг Сомали, состоящий из мозаики ареалов расселения клановых и субклановых групп и религиозных объединений.

Второй, более разнообразный тип НТ, представлен территориями транзитной государственности (ТТГ) разной степени зрелости (повстанческое государство – квазигосударство – государство де-факто – частично признанное государство). В политиях этого типа повстанцы пытаются установить устойчивый контроль над территорией с последующим формированием органов государственной власти и выполнением государственных функций.

Источниками существования НТ почти всех типов могут быть примитивное потребительское сельское хозяйство, добыча и первичная переработка полезных ископаемых, но чаще – производство и торговля наркотиками, контрабанда, перепродажа оружия, отмывание денег.

Третье направление сфокусировано на исследовании специфического, самого «продвинутого» типа НТ – непризнанных государств. Это направление можно назвать геополитическим:

оно состоит в анализе их места в системе международных отношений и до сих пор преобладало в изучении конфликтов вокруг НГ. Наиболее полное определение непризнанного государства дал С. Пегг, согласно которому такое государство есть организованная политика, сформировавшаяся в существенной степени за счет местных факторов, получающая поддержку населения и имеющая возможности оказания государственных услуг населению определенной территории, над которой руководство этой политики сохраняет в течение длительного периода эффективный контроль, однако остающаяся незаконной в глазах международного сообщества [Pegg 1998, p. 26].

Д.В. Заяц насчитал в мире 13 политий [Заяц 2020]. А. Флоря [Florea 2014] полагает, что в период между 1945 и 2011 гг. возникло 34 НГ, из которых 18 существовали в 2014 г., Н. Касперсен и Г. Стенсфилд насчитали 21 политию [Dembinska, Campara 2017].

Главное внимание уделяется отношениям между «материнским» государством и непризнанным политическим образованием, роли и интересам третьих стран, переговорным процессам, возможным путям разрешения конфликта [Силаева, Большаков 2012; Hoch 2018]. Любые проявления сецессионизма рассматриваются как территориальный конфликт, отражающий несовместимость интересов государства и негосударственных акторов. Такой подход применяли многие российские и зарубежные географы и политологи [Голубчик 1998; Мироненко, Денисенцев 2004; Заяц 2020; Wallensteen 2002; Berg 2018]. Анализируя развитие сецессионистских движений, Ф.А. Попов показал, что фактическая сецессия не во всех случаях предполагает стремление новой политики к юридическому отделению. Часто потеря контроля над территорией связана с деятельностью дви-

жения, изначально не преследовавшего цели юридической сецессии [Попов 2012].

Четвертое направление представляет собой попытки «заглянуть внутрь черного ящика» – изучение причин появления НГ и жизнеспособности. Длительность существования многих НГ поставила вопрос о ее источниках. Очевидно, что для НГ крайне важна поддержка внешнего «патрона», а экономическая база нередко включает незаконные виды деятельности (Р. Ротберг, Дж. О'Локлин). «Качество» государственности непризнанных и легитимных государств определяются в основном общими критериями (прочность национальной идентичности, уровень поддержки правящего режима, устойчивость экономической базы, выгодность географического положения). Особое внимание уделяется процессам национального и государственного строительства – соответственно, способам укрепления общей идентичности граждан (независимо от их этнического происхождения) и эффективности государственных институтов, которая отражается в способности властей удержать население, обеспечив его рабочими местами, достойным уровнем доходов и общественных услуг. Непризнанные государства конкурируют за лояльность граждан в первую очередь с «материнским» государством, и благосостояние граждан отделившегося региона в сравнении с остальной частью страны – один из важнейших показателей состоятельности их политических режимов и критерий оценки претензий на независимость и внешнюю легитимность. Мера эффективности экономической и социальной политики НГ – «голосование ногами» (переезд на другое место жительства) и волеизъявление избирателей.

Демократизация политической жизни и соответствие нормативным кри-

териям суверенитета – другой не менее важный критерий внутренней легитимности НГ. Мобилизация граждан на основе внешней угрозы, исходящей обычно от «материнского государства», пытающегося вернуть отделившийся регион в свое лоно если не с помощью военной силы, то путем экономической блокады и других санкций, со временем неизбежно ослабевает, и власти вынуждены искать поддержки граждан на выборах, которые отнюдь не всегда носят формальный характер [Маркедонов 2012; O'Loughlin, Kolosov 2017; Dembinska 2018]. Не может вечно оставаться главной идеологической «скрепой» режима и героизация борцов за независимость, поэтому власти НГ вынуждены искать другие исторические и иные маркеры идентичности, пути диверсификации внешних связей и неформальной дипломатии, осторожного дистанцирования от внешнего «патрона» [O'Loughlin, Kolosov, Toal 2015; Bakke et al. 2018].

Пятое направление можно условно назвать «синтетическим», поскольку его представители сочетают подходы, развиваемые в разных дисциплинах [Неклецца 1997; Raufur 2000; Whelan 2006; Rabasa et al. 2007; Lamb 2008]. Особое внимание представители этого направления уделяют классификации безгосударственных территорий (*ungoverned area*) – основных источников террористической угрозы и незаконных видов деятельности. Так, выделяют территории, на которых негосударственные акторы активно противостоят легитимным властям, перехватывая непосредственный контроль над территорией (*contested governance areas*, по А. Рабасе и Р. Лэмбу; *competing governance*, по Т. Уэлану). Однако большинство авторов отмечает, что, во-первых, измерить степень контроля над территорией бывает чрезвычайно сложно, во-вторых, чаще встречаются терри-

тории, где контроль потерян частично (*incomplete governance*, по А. Рабасе; *ill-governed/misgoverned areas* – в работах Р. Лэмба). Большинство авторов полагают, что существование подобных территорий во многом зависит от различных незаконных видов деятельности, особо выделяя «серые зоны» [Неклецца 1997; MacDonald 1993; Raufur 2000] и «зоны эксплуатации» (*exploitable areas*, по Р. Лэмбу). А. Рабаса с соавторами выделяют также случай «регионов переданной государственности» (*abdicated governance*), в которых государство добровольно передает негосударственным акторам функции контроля над территорией (например, приграничные районы Саудовской Аравии).

Ключевое понятие при изучении НГ – контроль над территорией, представляющий собой естественную потребность и «идеологический фундамент» любого государства, поскольку позволяет ему получать ресурсы для существования, служит основой его суверенитета, отличает от других политических организаций. Контроль над территорией – это возможность полноценно управлять территорией и ее элементами (природным, человеческим, производственным, инфраструктурным и финансовым капиталом). А.Б. Себенцов и В.А. Колосов предложили различать виды контроля над территорией – силовой (военный, полицейский, партизанский, террористический), политический, идеологический, экономический – и выделили его разные «территориальные рисунки» (сплошной, очаговый, сетевой, спорадический), а также постоянный и временный (сезонный, суточный) [Себенцов, Колосов 2012]. «Качественная» государственность предполагает наличие всех видов сплошного и постоянного контроля. Понятно, что определение степени и набора видов контроля, осуществляемого каким-либо по-

литическим движением или режимом в каждом конкретном случае фактической сецессии, – сложная научная задача, поэтому в дальнейшем анализе изменения численности, площади и населения во внимание принимался в основном силовой контроль.

Представления о делимости и соотношении внешнего и внутреннего суверенитета, концепция контроля над территориями и разработанная на основе анализа литературы типология НТ были положены в основу создания оценки изменения их параметров за последнее десятилетие.

Методика оценки площади и населения неконтролируемых территорий

Основой конкретной оценки НТ всех типов за период с 2006–2010 по 2014–2019 гг. послужила база данных, в которую авторы стремились включить максимально возможное число показателей площади, численности населения, политического устройства, экономической базы и внешних связей. Ее подготовка проводилась в несколько этапов и потребовала преодоления ряда сложностей методического, методологического и информационного характера. На *первом этапе* был уточнен перечень НТ по состоянию на 2014–2019 гг. Выбор такого интервала времени определяется скудностью и нерегулярностью информации по многим НТ, чрезвычайной подвижностью и неопределенностью их границ в связи с разной степенью контроля и невозможностью получить о них представление на какую-либо единую дату. Если переход контроля над отдельными населенными пунктами в результате боестолкновений от одной стороны к другой еще можно проследить по сообщениям СМИ, то регистрация изменений, происшедших в результате

ненасильственных действий, вызывает множество проблем.

Поскольку возникновение и дальнейшее существование большинства НТ сопряжено с острыми вооруженными конфликтами, источником информации послужили материалы Уппсальской базы данных конфликтов (Uppsala Conflict Data Program), в которой содержатся наиболее полные сведения о территориальных конфликтах по всему миру на компактной территории с более чем 25 жертвами за год. В результате отобрано 97 кейсов, потенциально подходящих под определение НТ. К ним добавлено еще пять, которые в настоящее время не связаны с насилием (Тайвань, Приднестровская Молдавская Республика, Косово, Абхазия и Южная Осетия).

На *втором этапе* определено соответствие каждого кейса признакам НТ, а также соотношение уровня контроля территории сецессионистами и материнским государством. Наибольшую сложность представили кейсы, которые можно отнести к безгосударственным территориям. Утрата контроля над территорией материнским государством при этом обычно не приводит к появлению полноценных институтов власти и эффективному контролю над территорией новых властей. Чаще на первый план выходит силовой контроль, а институты государства заменяются традиционными методами управления (обычное право). В этих условиях руководители повстанцев не стремятся к провозглашению независимости или не имеют такой возможности. Частым мотивом сецессии становится неформальная или незаконная деятельность повстанцев.

В некоторых государствах (Ливии, Сирии, Йемене, Мали, Афганистане, Мали и др.) в недавний период или ныне центральным правительствам неподконтрольны огромные зоны, которые иногда занимают свыше 50% тер-

ритории. Порой негосударственные акторы, контролирующие только часть государства, претендуют на всю его территорию. Так, организация «Сендеро Луминосо» в XX в. стремилась установить контроль над всей территорией Перу.

Из-под контроля центральной власти могут быть выведены как крупные части государства, так и небольшие специфические по социальному и/или этническому составу территории городских кварталов. Так, практически в любом крупном латиноамериканском городе существуют отдельные кварталы или даже целые районы, которые наравне с государством контролирует местный криминалитет. В крупных городах США и Западной Европы есть сегрегированные территории, в которые доступ представителям властей ограничен – от «маленьких Италий» и «чайнатаунов» до «цветных гетто» [Алов 2020]. Похожие территории существуют и вне городов. В труднодоступной местности нередко проживают «неконтактные народы» (*uncontacted people*). Они почти не взаимодействуют с окружающим миром, и на их территорию не распространяются законы «материнского государства» [Lawler 2015]. Однако в данном случае государство осознанно проводит политику сохранения самобытности этнической группы, тем самым осуществляя контроль над территорией.

Некоторые авторы считают, что наличие подобных городских кварталов свидетельствует о неполноценности государственности «материнской» страны [Понов 2014]. Однако в настоящей работе мелкие городские территории не рассматриваются, т. к. государство контролирует преобладающую часть страны, хотя иногда и не полностью. Ввиду низкой степени контроля негосударственными акторами не учтены также такие территории, как район

проживания мапуче в чилийской Араукании. В некоторых случаях правительству и оппозиционным силам удалось заключить перемирие до 2014 г. (к примеру, в Паттани), и, соответственно, они не попали в список НТ.

При недостатке информации для точной делимитации НТ и определения уровня контроля над ними негосударственных акторов невозможно использовать единую методiku, тем более что контроль над территорией, как и суверенитет, – понятие «делимое»: он может быть разным. Признаки полного силового (военного) контроля – местоположение неофициальной столицы или центров управления и военных баз. Стремление противоборствующих сторон к силовому контролю над территорией значительно различается в зависимости от стратегии ведения боевых действий, поддержки внешних акторов и географических условий – например, рельефа, характера расселения и плотности дорожной сети, наличия природных богатств и др. В реальности негосударственные акторы нередко контролируют только отдельные объекты, такие как населенные пункты, основные транспортные пути, блокпосты, источники полезных ископаемых и др. [Kalyvas 2006]. Основываясь на сообщениях о боестолкновениях с точной географической привязкой, локализацией населенных пунктов и дорог, можно с помощью ГИС выделить территории с разной степенью силового контроля, приняв допущение о том, что он возможен на определенном расстоянии от опорных баз с учетом проходимости местности [Tao et al. 2016].

В этом исследовании границы непризнанных государств и уровень контроля территории фактическими властями в некоторых случаях (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье, Тайвань, Сомалиленд и др.) установлены на основании данных международ-

ных контактных групп по разрешению кризисов, миротворческих миссий ООН, реже – межгосударственных договоров. Использовались также сведения ведомств «материнских» и самих непризнанных государств, их официальные заявления в прессе и др. В других случаях при оценке площади территории и населения НТ приходилось использовать менее надежные или нестандартные источники информации. Так, для определения зон контроля повстанцами в ЦАР использовались данные о блокпостах, размещенных государственными и оппозиционными силами на дорогах страны. При делимитации зон, контролируемых повстанцами в Колумбии, Мексике и Перу, анализировались карты и спутниковые снимки Управления ООН по наркотикам и преступности (UN ODC) [Бражлович 2018].

Дополнительной задачей стало определение конфликтующих сторон и их статуса, чтобы отличить от НТ межгосударственные конфликты и фактическую оккупацию территории одной страны другой, когда главный противник суверенного государства – государственный актор, пусть и при поддержке внешнего «патрона». Пример – межгосударственный конфликт между Израилем и Палестиной. Хотя часть ее территории контролирует Израиль, она признана 122 государствами мира, включая Россию, и с 2012 г. имеет статус «государства-наблюдателя, не являющегося членом ООН».

На *третьем этапе* собраны данные о площади, численности населения, длительности существования, экономическом потенциале, внешних связях, внутреннем устройстве 42 НТ. Полнота и достоверность данных зависела от степени зрелости НТ. Так, часть территорий транзитной государственности (Тайвань, Приднестровье, Косово и некоторые другие) предоставля-

ют весьма полную информацию о своей внутренней жизни и внешних связях; другие (Южная Осетия, ДНР, ЛНР) публикуют весьма ограниченные сведения. Третьи (Сомалиленд, САДР, Иракский Курдистан) не обнаруживают практически никакой информации в связи с отсутствием или низким качеством статистического учета.

Специфические проблемы возникали при сборе сведений о безгосударственных территориях. Большинство из них появилось в «рухнувших» и «несостоявшихся» государствах, где нет налаженной системы статистического учета. Кроме того, конфликт, дезорганизующий местную преимущественно аграрную экономику, не позволяет с достаточной достоверностью учесть мощные потоки беженцев и внутренне перемещенных лиц. Подвижность границ большинства безгосударственных территорий также затрудняла оценку их параметров. В этих условиях основными источниками информации становились, во-первых, аналитические отчеты ведущих разведывательно-аналитических центров Stratfor и WorldAware; во-вторых, открытые данные оборонных и других ведомств «материнских» государств, а также стран, вовлеченных в решение данного территориального конфликта. Например, для получения информации о районах Афганистана, контролируемых талибами, использовались данные одного из подразделений Государственного департамента США – Специального генерального инспектора по реконструкции Афганистана (Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction). В-третьих, в наиболее сложных случаях приходилось использовать наименее надежные источники – данные путешественников-исследователей, местную прессу, различные интернет-ресурсы. В отдельных случаях использовалась информация Международного

комитета Красного креста (МККК), который отслеживает движения беженцев, учитывает запросы гуманитарной помощи (предоставление продовольствия и воды) и даже составляет карты отдельных конфликтов (Сирии, Ливии, ДРК и т. д.).

Наконец, на *четвертом этапе* составлены карты отобранных кейсов (рис. 1 и 4). Анализ полученных материалов позволил проследить эволюцию НТ в разных частях света, динамику их площади и населения.

Неконтролируемые территории на карте мира

В разных регионах мира изменения НТ происходили неравномерно (рис. 2 и 3). Хотя таких территорий нет только в Северной Америке, по-прежнему подавляющая часть их населения проживает в Азии и Африке, тогда как по площади их доля наиболее велика в Африке.

В **Африке** фрагментация политического пространства с середины XX в. выражена наиболее ярко и устойчиво [Ekeke, Lubisi 2019]. Там не только быстро растет число признанных государств, но и происходит их последующее дробление на более мелкие политии разной зрелости. В последние годы наблюдается рост общей площади НТ (с 9% в 2006–2010 гг. до 12% в 2014–2019 гг.) и численности проживающего там населения (с 3,5 почти до 7%). В 2014–2019 гг. на Африку приходилось практически 70% общемировой площади и около 35% общемирового населения НТ.

Глобализация и вмешательство региональных и мировых держав приводят к снижению активности одних очагов конфликтов (Кабинда в Анголе, Казаманс в Сенегале, северные районы Кот-д'Ивуара и др.), но в то же время

росту активности других и появлению новых, чему способствуют и локальные последствия изменений климата [Barlow 2020]. Так, гражданская война в Ливии привела к распаду страны. Признанное ООН Правительство национального согласия в конце 2019 г. контролировало с помощью миротворческого контингента лишь ближайшие окрестности Триполи, в то время как обширная территория была поделена между сторонниками фельдмаршала Хафтара и Палаты представителей, повстанцами из разных племенных групп (туарегов, тубу и др.) и сторонниками ИГИЛ (организация, запрещенная в России) [Carboni, Moody 2018; Joffe 2020].

Другой характерный пример – Южный Судан, признание которого, казалось, положило конец кровопролитной борьбе с центральным правительством в Хартуме; сама страна была ввергнута в пучину гражданской войны. В результате конфликта между двумя крупнейшими народами (нуэр и динка) в период с 2013 по 2020 г. официальные власти потеряли контроль над обширными территориями на северо-востоке страны. Более того, сам факт успешной сецессии Южного Судана вызвал очередное обострение конфликта в Дарфуре и появление новых НТ в суданских провинциях Южный Кордофан и Голубой Нил [Justin, De Vries 2019].

Искусственный характер большей части африканских границ, малый опыт собственной государственности, трайбалистское и клановое сознание определяют низкий уровень проникновения государственных институтов в повседневную практику африканских обществ и общую слабость африканских государств, из которых значительную часть можно отнести к категории несостоявшихся [Menkhaus 2007]. Во многом с этим связано и то, что подавляющее большинство африканских НТ

Рисунок 1. Неконтролируемые территории в Евразии и Африке
Figure 1. Uncontrolled territories in Eurasia and Africa

- безгосударственные территории
- территории транзитной государственности
- Цифрами на карте показаны:
1. Республика Косово
 2. Приднестровская Молдавская Республика
 3. ДНР и ДНР
 4. Турецкая Республика Северного Кипра
 5. Районы действия Хезболлы
 6. Сиприятская Республика Северная
 7. Республика Южная Осетия
 8. Республика Южная Осетия
 9. Иракская Курдистан
 10. Республика Арцах
 11. Афгано-пакистанская безгосударственная зона
 12. Азад-Кашмир
 13. Компактные революционные зоны действия наксалитов («Красный коридор»)
 14. Мьянмская безгосударственная зона
 15. Китайская республика (Тайвань)
 16. Исламская безгосударственная зона
 17. Исламская Республика Иран
 18. Сахарская Арабская Демократическая Республика
 19. Безгосударственная зона Мали
 20. Районы Ливии, контролируемые ЛНА
 21. Ливийская безгосударственная зона
 22. Безгосударственные районы дельты Нигера
 23. Безгосударственные районы Северной Нигерии
 24. Безгосударственная зона Дарфура
 25. Безгосударственная зона Голубого Нила и Южного Крдофана
 26. Безгосударственные районы ЦАР, контролируемые анти-Балагой
 27. Безгосударственные районы Южного Судана
 28. Безгосударственные районы Южного Судана
 29. Сомалиленд
 30. Пунтленд
 31. Безгосударственные районы юга Сомали
 32. Северо-Конголезская безгосударственная зона
 33. Южно-Конголезская безгосударственная зона
 34. Северо-Малайзийская безгосударственная зона
- ИСТОЧНИК:** составлено авторами.

Рисунок 2. Динамика площади неконтролируемых территорий по регионам мира
Figure 2. Dynamics of the area of uncontrolled territories by regions of the world

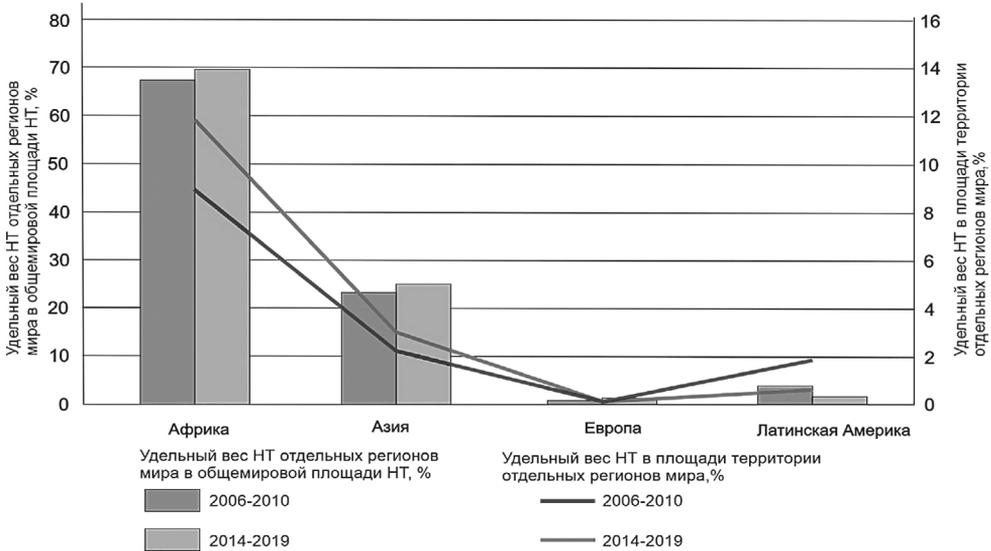
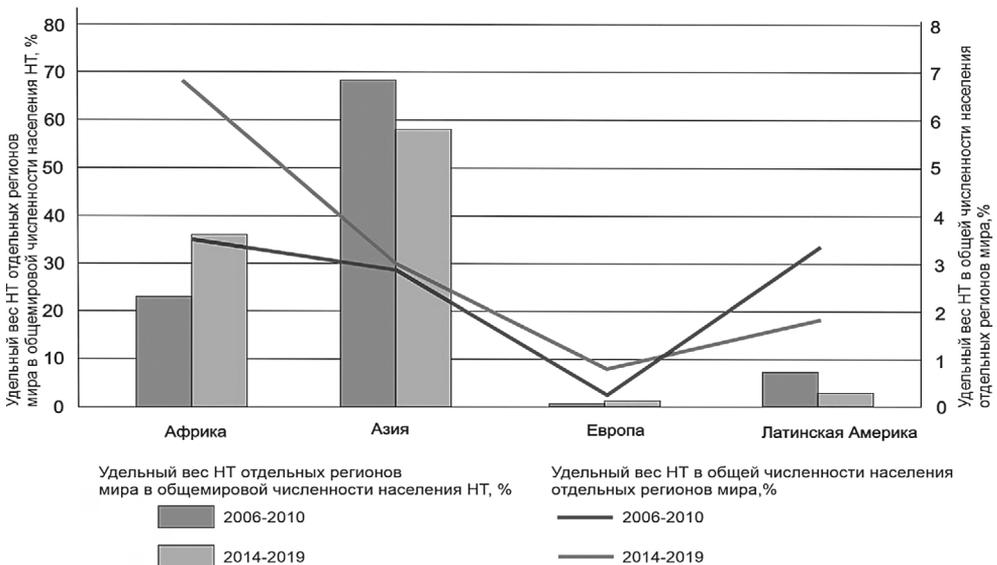

Рисунок 3. Динамика численности населения неконтролируемых территорий по регионам мира
Figure 3. Dynamics of the population of uncontrolled territories by regions of the world

Источник: составлено авторами

следует относить к категории безгосударственных территорий, управляемых харизматическими лидерами – полевыми командирами и вождями местных племен. Среди наиболее зрелых территорий транзитной государственности следует выделить САДР в Западной Сахаре, Сомалиленд. САДР имеет достаточно широкое международное признание (40 стран), однако жизнеспособность этого образования чрезвычайно ограничена: основная часть населения страны проживает в лагерях беженцев в соседнем Алжире, там же в лагере Рабуни в окрестностях Тиндудфа располагается правительство [Fernandez-Molina, Ojeda-García 2020].

Сомалиленд, наоборот, хотя и не имеет формального признания, гораздо более жизнеспособен. Основу его экономики составляет животноводство, транзит грузов из Эфиопии через порт Бербера, а также денежные переводы членов диаспоры, проживающих в странах ЕС, США, Великобритании, ОАЭ и Саудовской Аравии. Отсутствие признания не мешает западным и ближневосточным компаниям вести нефтеразведку на шельфе, что вызывает протесты центральных властей в Могадишо [Brazhalovich, Klyuchnikov, Lukyanov 2016].

Среди других территорий транзитной государственности можно выделить Пунтленд, имеющий собственное правительство, налоги, визы и армию, но формально стремящийся к единству с официальными властями Сомали. С некоторыми оговорками сюда можно отнести также Республику Логон (Дар аль-Кути) в ЦАР, контролируемую с 2013–2015 гг. мусульманскими повстанцами.

Азия занимает второе после Африки место по распространенности феномена НТ: на них приходится около 3% территории и населения региона. При этом на Азию приходится око-

ло 25% общемировой площади НТ. Высокая плотность населения объясняет также большой удельный вес азиатских НТ в общей численности жителей неконтролируемых территорий (в 2014–2019 гг. – около 60%). Здесь, как и в Африке, многие государства принято относить к категории слабых (*weak state*) или несостоявшихся (Сирия, Афганистан, Ирак, Йемен, Ливан и др.). Множественность этнических и конфессиональных разломов, их несовпадение со сравнительно недавно возникшими государственными границами, проведенными в колониальную эпоху, приводят здесь к многочисленным конфликтам, провоцирующим возникновение НТ. В условиях повышенной конфликтности и этноконфессионального многообразия политические силы, опирающиеся или стремящиеся укрепить определенные идентичности, превращаются в сепаратистские движения, приобретают военизированный характер и добиваются высокой степени контроля над территорией [Staniland 2012]. В Индии идеологической основой сепаратизма стал марксизм маоистского толка, который позволил разнородным племенным группам создать «компактные революционные зоны», совокупность которых еще десять лет назад создавала обширный «Красный коридор», протягивавшийся вдоль побережья Бенгальского залива и захватывавший отдельные районы соседнего Непала. В странах Ближнего Востока основой для объединения разных этнических групп служат радикальные формы ислама. Деятельность исповедующих их группировок приводила к длительной потере контроля над обширными территориями в Сирии, Ираке, Йемене и других странах.

Специфическая ситуация наблюдается в Мьянме, население которой чрезвычайно раздроблено по племенному признаку. Конкуренция с отно-

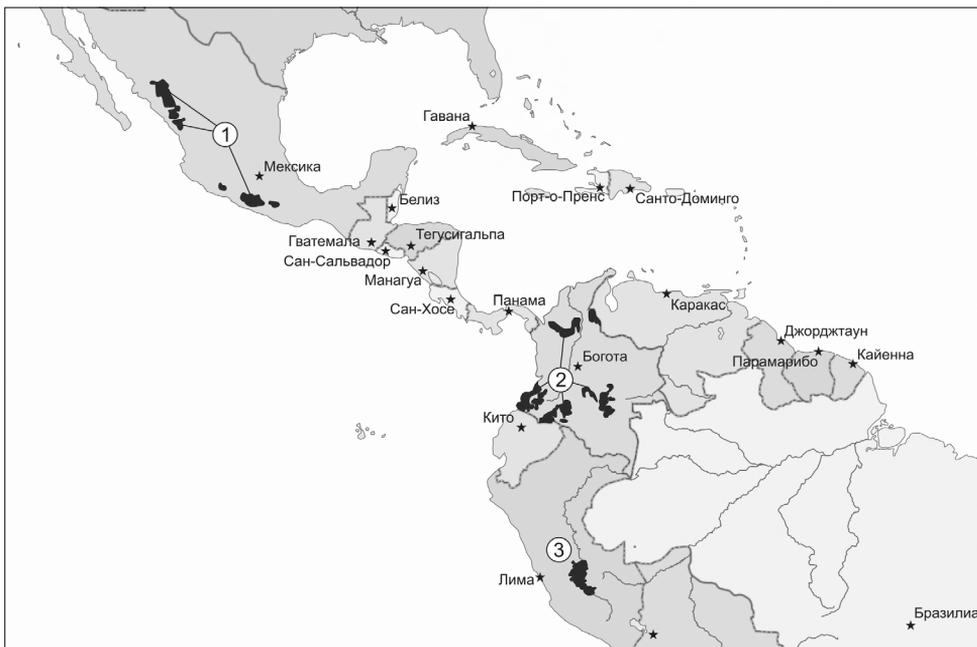
сительно слабым центральным правительством за местные ресурсы (древесину, драгоценные камни, сельскохозяйственные угодья) вызвала появление множества парамилитаристских групп (племенных армий) и возникновение вооруженных конфликтов. В обмен на отказ от продолжения вооруженной борьбы правительство официально закрепляло контроль повстанцев над определенной территорией, создавая разного рода «специальные регионы». Границы этих территорий неоднократно менялись, в частности при заключении военных альянсов между центральными властями с одними повстанцами против других. Мощную экономическую подпитку многочисленным НТ в Мьянме обеспечивает наркобизнес: страна остается одним из мировых лидеров по выращиванию

опиумного мака и производству опиатов [South 2018].

Наиболее высокая степень институционализации характерна для таких НТ, как Китайская Республика (Тайвань), Турецкая Республика Северного Кипра, Иракский Курдистан и трех постсоветских НТ: Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха. Из них три государства относятся к категории частично признанных: Тайвань, признанный 15 странами – членами ООН, Абхазия и Южная Осетия, получившие признание шести стран.

В **Латинской Америке** площадь НТ и число проживающих там жителей заметно сократились. Если в 2006–2010 гг. НТ занимали почти 2% территории региона, то в 2014–2019 гг. – только 0,84%, а их население уменьшилось соответственно с 3,4 до 1,8%. В этом регионе

Рисунок 4. Неконтролируемые территории в Латинской Америке
Figure 4. Uncontrolled territories in Latin America

Цифрами на карте указаны безгосударственные районы: 1 – Мексики, 2 – Колумбии, 3 – Перу

мира наиболее распространены случаи так называемой побочной сецессии, поскольку ни одно из движений в НТ не ставило целью юридическое отделение и создание нового государства (рис. 4). Так, целью ФАРК и АНО в Колумбии и «Сендеро Луминосо» в Перу было свержение существующей власти и изменение общественного строя в материнских государствах. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. эти организации контролировали свыше 40% территории своих стран. Однако после практически полного прекращения помощи из стран бывшего социалистического лагеря их активность снизилась.

Внутренними источниками доходов стали производство и экспорт на североамериканский рынок наркотических средств (в основном выращиваемой здесь коки), «революционные налоги» на местных фермеров, контрабанда оружия и др. При активном содействии США, заинтересованных в снижении наркотрафика из стран Латинской Америки, руководству обеих стран удалось по большей части решить проблему контроля над собственной территорией. В 2013 г. перуанское правительство окончательно разгромило основные силы повстанцев, а правительство Колумбии в 2016 г. подписало мирный договор с ФАРК. Тем не менее труднодоступные районы обеих стран по-прежнему контролируются бывшими «командирами фронтов», а в Колумбии – также и боевыми группами других военизированных организаций: Армии национального освобождения, Народно-освободительной армии и др.

Похожая ситуация сложилась в труднодоступных районах мексиканских штатов Синалоа, Дуранго и Вера-

крус, где в горах и предгорьях располагаются обширные плантации каннабиса. Контролирующий большую часть этих территорий Тихоокеанский наркокартель занимается также реэкспортом в США колумбийского и перуанского кокаина, восполняя возросший недостаток зарубежных поставок наркотиков продукцией собственного производства [Holmes 2015; Norman 2018].

Европа остается одним из регионов мира, в наименьшей степени затронутых феноменом НТ. Пик фрагментации политического пространства пришелся на рубеж 1991–1993 гг. Почти все НТ расположены в странах бывшего социал-лагеря на периферии бывшей Югославии (СФРЮ) и СССР. Распад этих стран сопровождался индукцией и «атомизацией сецессионизма», при которой сецессия охватывала уже отколовшиеся и даже получившие частичное международное признание политии. Широкое распространение получил также «возвратный ирредентизм», при котором отдельные части новых государств требовали присоединения к материнскому государству или его правопреемнику¹.

Часть этих НТ исчезла в результате силовых операций США и их союзников или же в результате переговорного процесса (Сербская Краина в Хорватии, Республика Сербская в Боснии). Другие НТ, возникшие в результате распада сложносоставных государств («возвратный ирредентизм»), существуют и поныне. Так, в отличие от большей части бывшей советской Молдавии, подавляющее большинство населения нынешней Приднестровской Молдавской Республики голосовало за сохранение СССР на Всесоюзном референдуме 1991 г., а в дальнейшем на ре-

¹ Такие особенности, как «атомизация сецессии», «возвратный ирредентизм», высокая степень институционализации возникающих политий, позволили Ф.А. Попову выделить особый постсоциалистический тип сецессии, характерный также для некоторых территорий Азии.

ферендуме 2006 г. выразило желание присоединиться к России. Сходная ситуация сложилась после признания в 2008 г. многими государствами Косово, где населенные сербами районы Косовской Митровицы также потребовали права на самоопределение.

Геополитический кризис 2014 г. привел к появлению в восточной части Украины Донецкой и Луганской Народных Республик, ставших еще одним примером «возвратного ирредентизма». В результате площадь НТ в Европе выросла практически вдвое, но составила скромные 0,29% от территории. При этом доля населения, проживающего на их территории, выросла с 0,26 до 0,8%.

Заключение

Последние годы ознаменовались существенным прогрессом в изучении НТ. Работы в этой области внесли заметный вклад в понимание природы современной государственности. Во-первых, они хорошо показали «делимость» суверенитета: разная его степень определяет глубокие различия между видами НТ – безгосударственными территориями и территориями транзитной государственности разной степени зрелости. Во-вторых, продемонстрирована связь между степенью суверенитета, видами и характером контроля над территорией, обосновано само его понятие. В-третьих, рассмотрено соотношение между внутренним и внешним суверенитетом: укрепление внутреннего суверенитета увеличивает шансы непризнанного государства на повышение внешнего. При этом внешний суверенитет совсем не сводится к международному признанию: отсутствие статуса далеко не всегда ограничивает внешние связи непризнанного государственного образования. Да и призна-

ние, как показывают примеры Косово или Тайваня, также носит «делимый» характер. И наоборот, чем выше внешний суверенитет, тем больше вероятность укрепления экономики непризнанного государства, больше его возможности по распределению политических и социальных благ, шире поддержка гражданами и прочнее внутренний суверенитет.

Иными словами, границы между суверенитетом внешним и внутренним, легитимностью и отсутствием признания, интеграцией и регионализацией (фрагментацией политического пространства) весьма зыбки. Размытыми, неопределенными, неустойчивыми нередко становятся и территориальные границы между НТ и материнскими государствами. Они могут не иметь замкнутых контуров, проявляться периодически, выполнять лишь ограниченные функции или даже отсутствовать вовсе в случаях формирования оппозиционными легитимному государству силами сетевых структур.

НТ – яркое проявление кризиса государственности. Обострение геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. привело к росту числа международных конфликтов, увеличению площади и численности населения НТ. Они появляются преимущественно в странах, относящихся к категории несостоявшихся (*failed*) или рухнувших государств (*collapsed state*). Неудивительно, что фактическая сецессия особенно характерна для обширных зон проблемной государственности Азии и Африки. С 2014 по 2019 г. около 17% территории Африки и 19% территории Азии не контролировалось легитимными правительствами «материнских государств». По нашим оценкам, там проживало соответственно до 44,7 млн и 138,2 млн чел. На Африку и Азию приходится свыше 90% общей площади и населения НТ. Несмотря на исчезнове-

ние некоторых старых НТ в Азии (например, ликвидация непризнанного государства тамиллов) и Африке (объединение Северного и Южного Сенегала, подавление восстания туарегов на севере Нигера, провозглашение независимости Южного Судана), возникли новые НТ в Ливии, Камеруне и др. Расширились НТ в ЦАР, ДРК, Нигерии. Аналогичные процессы наблюдались и в Азии, где, несмотря на интервенцию Саудовской Аравии и ее союзников, правительство Йемена потеряло контроль над большей частью страны, в т. ч. над столицей.

Возникновение НТ представляет собой частный случай фрагментации политического пространства на разных территориальных уровнях. Этот процесс – элемент турбулентной трансформации мирового геополитического порядка, вызванной обострением противоречия между принципами национального самоопределения и целостности государственной территории, глобализацией и многими другими социальными и политическими факторами. Фрагментация ведет к перестройке (ретерриториализации) пространства, в т. ч. повышению числа и разнообразия политико-территориальных систем. Многие из них принадлежат к категории малых или микрообразований, что уже само по себе вызывает перекройку политической карты на основе сложного сочетания разноуровневых процессов интеграции и регионализации.

В «иерархии» НТ высшее место занимают НГ, что, однако, вовсе не означает, что все НТ достигнут этой ступени. Существование НГ – во многом следствие противоречий и невозможности компромисса между крупными международными игроками, нередко извлекающими определенные выгоды из отсутствия политического статуса таких территорий. Оно, однако, не

исключает создания институциональных и нормативных основ для взаимодействия с ними и не препятствует развитию парадипломатии, межрегионального сотрудничества и других механизмов выстраивания двусторонних отношений. Тенденция к дерегулированию международных отношений означает, что в современной обстановке достичь международного консенсуса о принципах легитимации новых государств в обозримой перспективе вряд ли удастся.

Список литературы

- Алов И.Н. (2020) Пространственная концентрация афроамериканского населения в крупных городских агломерациях США // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 694–703. DOI: 10.31857/S2587556620050040
- Большаков А.Г. (2007) Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. № 3(15). С. 83–88 // <http://intertrends.ru/old/fifteen/008.htm>, дата обращения 25.09.2020.
- Бражалович Ф.Л. (2018) География наркотрафика в Латинской Америке // Латинская Америка. № 8. С. 32–47. DOI: 10.31857/S0044748X0000444-7
- Голубчик М.М. (1998) Политическая география мира. Смоленск: Изд. Смол. гум. ун-та.
- Добронравин Н. (2011) Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Заяц Д.В. (2020) Феномен непризнанных государств в современном мире // Географическая среда и живые системы. № 1. С. 53–69. DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69

- Ильин М.В. (2008) Возможна ли универсальная типология государств? // Политическая наука. № 4. С. 8–41 // https://elibrary.ru/download/elibrary_11838485_68205239.pdf, дата обращения 25.09.2020.
- Ильин М.В. (2011) Альтернативные формы современной государственности // Сравнительная политика. № 2. С. 11–19. DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-11-19
- Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. (2010) Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. № 3. С. 26–39 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/3.pdf>, дата обращения 25.09.2020.
- Иноземцев В.Л. (2008) Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. № 1. С. 31–44 // https://elibrary.ru/download/elibrary_15142807_68673531.pdf, дата обращения 25.09.2020.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. (2001) Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс.
- Маркедонов С.М. (2012) Де-факто государства постсоветского пространства. Ереван: Институт Кавказа.
- Мироненко Н.С., Денисенцев А.С. (2004) О политической геоконфликтологии как области географического знания // Мироненко Н.С. (ред.) Проблемы геоконфликтологии в 2 т. М.: Пресс-Соло. Т. 1. С. 12–24.
- Неклесса А.И. (1997) Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. № 2. С. 35–50.
- Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств (2007). М.: МГИМО-Университет.
- Попов Ф.А. (2011) От «безгосударственной территории» к «государству де-факто» // Международные процессы. Т. 9. № 2(26). С. 16–28 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17006286_75413644.pdf, дата обращения 16.12.2020.
- Попов Ф.А. (2012) География сепаратизма в современном мире. М.: Новый Хронограф.
- Попов Ф.А. (2014) Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства // Мировая экономика и международные отношения. № 7. С. 78–86 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21787369_93818490.pdf, дата обращения 25.09.2020.
- Себенцов А.Б., Колосов В.А. (2012) Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. № 2. С. 31–46 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/2/3.pdf>, дата обращения 25.09.2020.
- Сергунин А.А. (2010) Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза. Политэкс. № 4. С. 5–21 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16352861_69316232.pdf, дата обращения 25.09.2020.
- Силаева З.В., Большаков А.Г. (2012) Феномен «спорных государств» в современной мировой политике: субъект влияния или инструмент глобальной игры // Политическая экспертиза. Политэкс. № 3. С. 221–242 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20800345_54854104.pdf, дата обращения 25.09.2020.
- Туровский Р.Ф. (1999) Политическая география. Смоленск: Издательство СГУ.
- Agnew J. (2009) Globalization and Sovereignty, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Appadurai A. (1996) Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bakke K., Linke A., O'Loughlin J., Toal G. (2018) Dynamics of State-building after War: External-internal Relations in Eurasian De Facto States // Political Geography, vol. 63, pp. 159–173. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.06.011

- Barlow E. (2020) *Secession in the Post-truth, Post-order World: A View from Africa // Perspectives on Secession: Theory and Case Studies* (eds. Riegl M., Doboš B.), Springer International Publishing, pp. 31–44.
- Berg E. (2018) *Bridging the Divide between Parent States and Secessionist Entities: A New Perspective for Conflict Management? // Space and Polity*, vol. 20, no 3, pp. 15–29. DOI: 10.1080/13562576.2018.1457341
- Berg E., Kuusk E. (2010) *What Makes Sovereignty a Relative Concept? Empirical Approaches to International Society // Political Geography*, vol. 29, no 1, pp. 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005
- Berg E., Vits K. (2018) *Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet De Facto States // Ethnopolitics*, vol. 17, no 4, pp. 390–407. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495359
- Blakkisrud H., Kolstø P. (2012) *Dynamics of De Facto Statehood: The South Caucasian De Facto States between Secession and Sovereignty // Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 12, no 2, pp. 281–298. DOI: 10.1080/14683857.2012.686013
- Brazhalovich F., Klyuchnikov M., Lukyanov A. (2016) *The Political-geographical Aspects of Problematic Statehood (Exemplified by Somalia) // Geography and Natural Resources*, vol. 37, no 3, pp. 264–270. DOI: 10.1134/S1875372816030100
- Carboni A., Moody J. (2018) *Between the Cracks: Actor Fragmentation and Local Conflict Systems in the Libyan Civil War // Small Wars & Insurgencies*, vol. 29, no 3, pp. 456–490. DOI: 10.1080/09592318.2018.1455318
- Caspersen N. (2012) *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*, MA: Polity.
- Dembinska M. (2018) *Carving out the Nation with the Enemy's Kin: Double Strategy of Boundary-making in Transnistria and Abkhazia // Nations and Nationalism*, vol. 25, no 1, pp. 298–317. DOI: 10.1111/nana.12386
- Dembinska M., Campana A. (2017) *Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research // International Studies Review*, vol. 19, no 2, pp. 254–278. DOI: 10.1093/isr/vix010
- Ekeke A., Lubisi N. (2019) *Secession in Africa: An African Union dilemma // African Security Review*, vol. 28, no 3–4, pp. 245–260. DOI: 10.1080/10246029.2020.1717974
- Elden S. (2007) *Rethinking Governmentality // Political Geography*, vol. 26, no 1, pp. 29–33. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.08.001
- Florea A. (2014) *De Facto States in International Politics (1945–2011): A New Data Set // International Interactions*, vol. 40, no 5, pp. 788–811. DOI: 10.1080/03050629.2014.915543
- Fernandez-Molina I., Ojeda-Garcia R. (2020) *Western Sahara as a Hybrid of a Parastate and a State-in-Exile: (Extra)territoriality and the Small Print of Sovereignty in a Context of Frozen Conflict // Nationalities Papers*, vol. 48, no 1, pp. 83–99. DOI: 10.1017/nps.2019.34
- Foucher M. (1991) *Fronts et frontières: un tour de monde géopolitique*, Paris: Fayard.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.
- Glassner M., De Blij H. (1989) *Systematic Political Geography*, 4th ed., New York: John Wiley and Sons.
- Hettne B., Söderbaum F. (1998) *The New Regionalism Approach // Politeia*, vol. 17, no 3, pp. 6–21 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, дата обращения 25.09.2020.
- Hoch T. (2018) *Legitimization of Statehood and Its Impact on Foreign Policy in De Facto States: A Case Study of Abkhazia // Iran and the Caucasus*, vol. 22, no 4, pp. 382–402. DOI: 10.1163/1573384X-20180406
- Holmes J. (2015) *Sendero Lumino: so after Fujimori: A Sub-national Analy-*

sis // *The Latin Americanist*, vol. 59, no 2, pp. 29–50. DOI: 10.1111/tla.12053

Jackson R.H. (2007) *Quasi-States, Dual Regimes, and Neoclassical Theory: International Jurisprudence and the Third World*. International Law and International Relations (eds. Simmons B., Steinberg R.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 205–232.

Joffe G. (2020) *Libya: The New Geopolitical Arena* // *The Journal of North African Studies*, vol. 25, no 5, pp. 681–688. DOI: 10.1080/13629387.2020.1790110

Jones M., Jones R. (2004) *Nation States, Ideological Power and Globalisation: Can Geographers Catch the Boat?* // *Geoforum*, vol. 35, no 4, pp. 409–424. DOI: 10.1016/j.geoforum.2003.12.002

Justin P.H., De Vries L. (2019) *Governing Unclear Lines: Local Boundaries as a (Re)source of Conflict in South Sudan* // *Journal of Borderlands Studies*, vol. 34, no 1, pp. 31–46. DOI: 10.1080/08865655.2017.1294497

Kalyvas S. (2006) *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge: Cambridge University Press.

Knight D.B. (1982) *Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism* // *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 72, no 4, pp. 514–531. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1982.tb01842.x

Kolosov V., O’Loughlin J. (1999) *Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR)* // *Boundaries, Territory and Postmodernity* (ed. Newman D.), London: Franc Cass, pp. 151–176.

Kolstø P. (2006) *The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States* // *Journal of Peace Research*, vol. 43, no 6, pp. 723–740. DOI: 10.1177/0022343306068102

Krasner S.D. (2009) *Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations*, London: Routledge.

Krugman P., Venables A. (1995) *Globalization and the Inequality of Nations* // *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 4, pp. 857–880. DOI: 10.2307/2946642

Lamb R.D. (2008) *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens*. Available at: https://cisssm.umd.edu/sites/default/files/2019-07/ugash_report_final.pdf, accessed 25.09.2020.

Lawler A. (2015) *Making Contact* // *Science*, vol. 348, no 6239, pp. 1072–1079. DOI: 10.1126/science.348.6239.1072

MacDonald S. (1993) *The New “Bad Guys”: Exploring the Parameters of the Violent New World Order* // *Gray Area Phenomena: Confronting the New World Disorder* (ed. Manwaring M.), Boulder: Westview Press, pp. 33–60.

McColl R.W. (1969) *The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution* // *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 59, no 4, pp. 613–631. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1969.tb01803.x

McGarry J. (2004) *Foreword: De Facto States and the International Order* // *De Facto States: The Quest for Sovereignty* (eds. Bahcheli T., Bartmann B., Srebrenik H.), London: Routledge, pp. ix–xii.

Menkhaus K. (2007) *Constraints and Opportunities in Ungoverned Spaces: The Horn of Africa* // *Denial of Sanctuary: Understanding Terrorist Safe Havens* (ed. Innes M.), CT: Praeger Security International, pp. 67–82.

Murphy A. (2002) *National Claims to Territory in the Modern State System: Geographical Considerations* // *Geopolitics*, vol. 7, no 2, pp. 193–214. DOI: 10.1080/714000938

Murphy A. (2010) *Intersecting Geographies of Institutions and Sovereignty* // *The International Studies Encyclopedia*. Vol. 7 (ed. Denmark R.), Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 4628–4645.

Norman S. (2018) *Narcotization as Security Dilemma: The FARC and Drug Trade in Colombia* // *Studies in Conflict*

& Terrorism, vol. 41, no 8, pp. 638–659.
DOI: 10.1080/1057610X.2017.1338052

O'Loughlin J., Kolosov V. (2017) Building Identities in post-Soviet “De Facto States”: Cultural and Political Icons in Nagorno-Karabakh, South Ossetia, Transnistria, and Abkhazia // *Eurasian Geography and Economic*, vol. 58, no 17, pp. 691–715.
DOI: 10.1080/15387216.2018.1468793

O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. (2014) Inside the post-Soviet De Facto States: A Comparison of Attitudes in Abkhazia, Nagorno Karabakh, South Ossetia, and Transnistria // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 55, no 5, pp. 423–456.
DOI: 10.1080/15387216.2015.1012644

Ong A. (2000) Graduated Sovereignty in South-East Asia // *Theory, Culture, and Society*, vol. 17, no 4, pp. 55–75.
DOI: 10.1177/02632760022051310

Pegg S. (1998) De Facto States in the International System // *Institute of International Relations. The University of British Columbia. Working Paper. No 21* // <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.695.2796&rep=rep1&type=pdf>, accessed 25.09.2020.

Rabasa A. et al. (2007) *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*, CA: RAND Corporation.

Raufer X. (2000) *New World Disorder, New Terrorisms: New Threats for Europe and the Western World* // *The Future of Terrorism* (eds. Taylor M., Horgan J.), London: Frank Cass Publishers, pp. 30–51.

Rosenau J. (2002) *The Governance of Fragmegration: Neither a World Republic nor a Global Interstate System.* // http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf, дата обращения 25.09.2020.

Rotberg R. (1) (2003) *Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators* // *State Failure and State Weakness in a Time of Terror* (ed. Rotberg R.), Washington, D.C.: Brookings Institution Press, pp. 1–25.

Rotberg R. (2) (2003) *When State Fail*, Princeton: Princeton University Press.

Schmitt-Egner P. (2002) *The Concept of ‘Region’: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction* // *European Integration*, vol. 24, no 3, pp. 25–34.
DOI: 10.1080/07036330270152196

Sidaway J. (2003) *Sovereign Excesses? Portraying Postcolonial Sovereignscapes* // *Political Geography*, vol. 22, no 2, pp. 157–178.
DOI: 10.1016/S0962-6298(02)00082-3

South A. (2018) “Hybrid Governance” and the Politics of Legitimacy in the Myanmar Peace Process // *Journal of Contemporary Asia*, vol. 48, no 1, pp. 50–66.
DOI: 10.1080/00472336.2017.1387280

Staniland A. (2012) *States, Insurgents, and Wartime Political Orders* // *Perspectives on Politics*, vol. 10, no 2, pp. 243–264.
DOI: 10.1017/S1537592712000655

Tao R., Srtandow D., Findley M., Thill J.-C., Walsh J. (2016) *A Hybrid Approach to Modeling Territorial Control in Violent Armed Conflicts* // *Transactions in GIS*, vol. 20, no 3, pp. 413–425.
DOI: 10.1111/tgis.12228

Taylor P., Flint C. (2018) *Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality*, London: Routledge.

Wallensteen P. (2002) *Understanding Conflict Resolution: War, Peace and the Global System*, London: Sage.

Whelan T. (2006) *Africa’s Ungoverned Space* // *Nacao & Defesa*, vol. 114, no 3, pp. 61–73.

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Uncontrolled Territories in the Contemporary World: Theory, Genesis, Types and Dynamics

Vladimir A. KOLOSOV

DSc in Geography, Center for Geopolitical Studies, Deputy Director
Institute of Geography of the Russian Academy of Science, 119017, Staromonetnyy I.,
29, Moscow, Russian Federation
E-mail: kolosov@igras.ru
ORCID: 0000-0003-2817-9463

Alexander B. SEBENTSOV

PhD in Geography, Senior Researcher, Center for Geopolitical Studies
Institute of Geography of the Russian Academy of Science, 119017, Staromonetnyy I.,
29, Moscow, Russian Federation
E-mail: asebentsov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-9665-5666

Nikita L. TUROV

Junior Researcher, Center for Geopolitical Studies
Institute of Geography of the Russian Academy of Science, 119017, Staromonetnyy I.,
29, Moscow, Russian Federation
E-mail: turov@igras.ru
ORCID: 0000-0001-7611-4985

CITATION: Kolosov V.A., Sebentsov A.B., Turov N.L. (2021) Uncontrolled Territories in the Contemporary World: Theory, Genesis, Types and Dynamics. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 1, pp. 23–51 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-1-2

Received: 15.10.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out at the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences as part of the work on the RSF project no 19-17-00232 «Post-Soviet Non-Recognized States: Factors of Viability and Risks for Russia»

ABSTRACT. *The uncontrolled territories (UT) attract the attention of an increasing number of researchers; however, most publications are devoted to only one type of UTs – unrecognized states. The objective of this paper is to assess and analyze changes in territory and population of all UTs in different macro-regions of the world*

through 2006–2010 and 2014–2019. Five main directions of studies of such territories are identified and characterized. The authors distinguish several types and patterns of territorial control, propose a typology of UTs and consider in detail the methodology and difficulties of creating a corresponding database. The aggravation of the geopolit-

ical situation in the second decade of the 21st century led to an increase in the number of international conflicts and in the area and population of UTs in Asia, Africa and Europe. The de facto secession largely affected the vast zones of problematic statehood in Asia and Africa, where according to the authors' estimates, about 45 million and 138 million people live, respectively. The emergence of UTs is a special case of the fragmentation of the political space at different territorial levels – a consequence of the turbulent transformation of the world geopolitical order.

KEYWORDS: non-controlled territories, non-recognized states, fragmentation of political space, separatism, secessionism

References

- Agnew J. (2009) *Globalization and Sovereignty*, Lanham: Rowman & Littlefield Publishers.
- Alov I. (2020) Spatial Concentration of African Americans in Large Metropolitan Areas of the United States. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no 5, pp. 694–703 (in Russian). DOI: 10.31857/S2587556620050040
- Appadurai A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Bakke K., Linke A., O'Loughlin J., Toal G. (2018) Dynamics of State-building after War: External-internal Relations in Eurasian De Facto States. *Political Geography*, vol. 63, pp. 159–173. DOI: 10.1016/j.polgeo.2017.06.011
- Barlow E. (2020) Secession in the Post-truth, Post-order World: A View from Africa. *Perspectives on Secession: Theory and Case Studies* (eds. Riegl M., Doboš B.), Springer International Publishing, pp. 31–44.
- Berg E. (2018) Bridging the Divide between Parent States and Secessionist Entities: A New Perspective for Conflict Management? *Space and Polity*, vol. 20, no 3, pp. 15–29. DOI: 10.1080/13562576.2018.1457341
- Berg E., Kuusk E. (2010) What Makes Sovereignty a Relative Concept? Empirical Approaches to International Society. *Political Geography*, vol. 29, no 1, pp. 40–49. DOI: 10.1016/j.polgeo.2010.01.005
- Berg E., Vits K. (2018) Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet De Facto States. *Ethno-politics*, vol. 17, no 4, pp. 390–407. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495359
- Blakkisrud H., Kolstø P. (2012) Dynamics of De Facto Statehood: The South Caucasian De Facto States between Secession and Sovereignty. *Southeast European and Black Sea Studies*, vol. 12, no 2, pp. 281–298. DOI: 10.1080/14683857.2012.686013
- Bolshakov A. (2007) Non-Recognized States in European Borderlands. *Mezhdunarodnye protsessy*, no 3(15), pp. 83–88. Available at: <http://intertrends.ru/old/fifteen/008.htm>, accessed 25.09.2020 (in Russian).
- Brazhalovich F. (2018) The Geography of Drug Trafficking in Latin America. *Latinskaya Amerika*, no 8, pp. 32–47 (in Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0000444-7
- Brazhalovich F., Klyuchnikov M., Lukyanov A. (2016) The Political-geographical Aspects of Problematic Statehood (Exemplified by Somalia). *Geography and Natural Resources*, vol. 37, no 3, pp. 264–270. DOI: 10.1134/S1875372816030100
- Carboni A., Moody J. (2018) Between the Cracks: Actor Fragmentation and Local Conflict Systems in the Libyan Civil War. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29, no 3, pp. 456–490. DOI: 10.1080/09592318.2018.1455318
- Caspersen N. (2012) *Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System*, MA: Polity.
- Dembinska M. (2018) Carving out the Nation with the Enemy's Kin: Double

Strategy of Boundary-making in Transnistria and Abkhazia. *Nations and Nationalism*, vol. 25, no 1, pp. 298–317. DOI: 10.1111/nana.12386

Dembinska M., Campana A. (2017) Frozen Conflicts and Internal Dynamics of De Facto States: Perspectives and Directions for Research. *International Studies Review*, vol. 19, no 2, pp. 254–278. DOI: 10.1093/isr/vix010

Dobronravin N. (2011) *Unrecognized States in the “Gray Zone” of World Politics: The Basics of Survival and Sovereignty Rules*, Saint Petersburg: Publishing of the European University in Saint Petersburg (in Russian).

Ekeke A., Lubisi N. (2019) Secession in Africa: An African Union Dilemma. *African Security Review*, vol. 28, no 3–4, pp. 245–260. DOI: 10.1080/10246029.2020.1717974

Elden S. (2007) Rethinking Governmentality. *Political Geography*, vol. 26, no 1, pp. 29–33. DOI: 10.1016/j.polgeo.2006.08.001

Fernandez-Molina I., Ojeda-Garcia R. (2020) Western Sahara as a Hybrid of a Parastate and a State-in-Exile: (Extra)territoriality and the Small Print of Sovereignty in a Context of Frozen Conflict. *Nationalities Papers*, vol. 48, no 1, pp. 83–99. DOI: 10.1017/nps.2019.34

Florea A. (2014) De Facto States in International Politics (1945–2011): A New Data Set. *International Interactions*, vol. 40, no 5, pp. 788–811. DOI: 10.1080/03050629.2014.915543

Foucher M. (1991) *Fronts et frontières: un tour de monde géopolitique*, Paris: Fayard.

Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Cambridge: Polity Press.

Glassner M., De Blij H. (1989) *Systematic Political Geography*, 4th ed., New York: John Wiley and Sons.

Golubchik M. (1998) *Political Geography of the World*, Smolensk: Izd. Smol. gum. u-ta (in Russian).

Hettne B., Söderbaum F. (1998) The New Regionalism Approach. *Po-*

liteia, vol. 17, no 3, pp. 6–21. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2399180, accessed 25.09.2020.

Hoch T. (2018) Legitimization of Statehood and its Impact on Foreign Policy in De Facto States: A Case Study of Abkhazia. *Iran and the Caucasus*, vol. 22, no 4, pp. 382–402. DOI: 10.1163/1573384X-20180406

Holmes J. (2015) Sendero Luminoso after Fujimori: A Sub-national Analysis. *The Latin Americanist*, vol. 59, no 2, pp. 29–50. DOI: 10.1111/tla.12053

Ilyin M. (2008) Can There Be a Universal Typology of States? *Political Science*, no 4, pp. 8–41. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_11838485_68205239.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Ilyin M. (2011) Alternative Forms of Modern Statehood. *Comparative Politics Russia*, no 2, pp. 11–19 (in Russian). DOI: 10.18611/2221-3279-2011-2-3(5)-11-19

Ilyin M., Meleshkina Ye., Melvil A. (2010) Formation of New States: External and Internal Factors of Consolidation. *Polis*, no 3, pp. 26–39. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2010/3/3.pdf>, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Inozemtsev V. (2008) Modern Globalization and Its Perception in the World. *Age of Globalization*, no 1, pp. 31–44. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15142807_68673531.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Jackson R.H. (2007) Quasi-States, Dual Regimes, and Neoclassical Theory: International Jurisprudence and the Third World. *International Law and International Relations* (eds. Simmons B., Steinberg R.), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 205–232.

Joffe G. (2020) Libya: The New Geopolitical Arena. *The Journal of North African Studies*, vol. 25, no 5, pp. 681–688. DOI: 10.1080/13629387.2020.1790110

Jones M., Jones R. (2004) Nation States, Ideological Power and Globalisation: Can Geographers Catch the Boat?

Geoforum, vol. 35, no 4, pp. 409–424.
DOI: 10.1016/j.geoforum.2003.12.002

Justin P.H., De Vries L. (2019) Governing Unclear Lines: Local Boundaries as a (Re)source of Conflict in South Sudan. *Journal of Borderlands Studies*, vol. 34, no 1, pp. 31–46. DOI: 10.1080/08865655.2017.1294497

Kalyvas S. (2006) *The Logic of Violence in Civil War*, Cambridge: Cambridge University Press.

Knight D.B. (1982) Identity and Territory: Geographical Perspectives on Nationalism and Regionalism. *Annals of the Association of American Geographers*, vol. 72, no 4, pp. 514–531. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1982.tb01842.x

Kolosov V., Mironenko N. (2001) *Geopolitics and Political Geography*, Moscow: Aspekt Press (in Russian).

Kolosov V., O’Loughlin J. (1999) Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Trans-Dniester Moldovan Republic (TMR). *Boundaries, Territory and Postmodernity* (ed. Newman D.), London: Franc Cass, pp. 151–176.

Kolstø P. (2006) The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States. *Journal of Peace Research*, vol. 43, no 6, pp. 723–740. DOI: 10.1177/0022343306068102

Krasner S.D. (2009) *Power, the State, and Sovereignty: Essays on International Relations*, London: Routledge.

Krugman P., Venables A. (1995) Globalization and the Inequality of Nations. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 110, no 4, pp. 857–880. DOI: 10.2307/2946642

Lamb R.D. (2008) *Ungoverned Areas and Threats from Safe Havens*. Available at: https://cissm.umd.edu/sites/default/files/2019-07/ugash_report_final.pdf, accessed 25.09.2020.

Lawler A. (2015) Making Contact. *Science*, vol. 348, no 6239, pp. 1072–1079. DOI: 10.1126/science.348.6239.1072

MacDonald S. (1993) The New “Bad Guys”: Exploring the Parameters of the Violent New World Order. *Gray Area Phenomena: Confronting the New World Dis-*

order (ed. Manwaring M.), Boulder: Westview Press, pp. 33–60.

Markedonov S. (2012) *De Facto States in the Post-Soviet Space*, Yerevan: Institute of the Caucasus (in Russian).

McCull R.W. (1969) The Insurgent State: Territorial Bases of Revolution. *Annals of the American Association of Geographers*, vol. 59, no 4, pp. 613–631. DOI: 10.1111/j.1467-8306.1969.tb01803.x

McGarry J. (2004) Foreword: De Facto States and the International Order. *De Facto States: The Quest for Sovereignty* (eds. Bahcheli T., Bartmann B., Srebrnik H.), London: Routledge, pp. ix–xii.

Menkhaus K. (2007) Constraints and Opportunities in Ungoverned Spaces: The Horn of Africa. *Denial of Sanctuary: Understanding Terrorist Safe Havens* (ed. Innes M.), CT: Praeger Security International, pp. 67–82.

Mironenko N., Denisencev A. (2004) About Political Geoconflictology as a Field of Geographical Knowledge. *Problems of Geoconflictology* (ed. Mironenko N.), Moscow: Press-Solo, vol. 1, pp. 12–24 (in Russian).

Murphy A. (2002) National Claims to Territory in the Modern State System: Geographical Considerations. *Geopolitics*, vol. 7, no 2, pp. 193–214. DOI: 10.1080/714000938

Murphy A. (2010) Intersecting Geographies of Institutions and Sovereignty. *The International Studies Encyclopedia*. Vol. 7 (ed. Denmark R.), Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 4628–4645.

Neklessa A.I. (1997) Postmodern World in a New Coordinate System. *Vostok*, no 2, pp. 35–50 (in Russian).

Norman S. (2018) Narcotization as Security Dilemma: The FARC and Drug Trade in Colombia. *Studies in Conflict & Terrorism*, vol. 41, no 8, pp. 638–659. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1338052

O’Loughlin J., Kolosov V. (2017) Building Identities in post-Soviet “De Facto States”: Cultural and Political Icons in Na-

gorno-Karabakh, South Ossetia, Transnistria, and Abkhazia. *Eurasian Geography and Economic*, vol. 58, no 17, pp. 691–715. DOI: 10.1080/15387216.2018.1468793

O'Loughlin J., Kolosov V., Toal G. (2014) Inside the post-Soviet De Facto States: A Comparison of Attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 55, no 5, pp. 423–456. DOI: 10.1080/15387216.2015.1012644

Ong A. (2000) Graduated Sovereignty in South-East Asia. *Theory, Culture, and Society*, vol. 17, no 4, pp. 55–75. DOI: 10.1177/02632760022051310

Pegg S. (1998) De Facto States in the International System. *Institute of International Relations. The University of British Columbia*. Working Paper. No 21. Available at: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.695.2796&rep=rep1&type=pdf>, accessed 25.09.2020.

Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States (2009), Moscow: Preprint. MGIMO-University Press (in Russian).

Popov F.A. (2011) From Stateless Territory to “De Facto State”. *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 9, no 2(26), pp. 16–28. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17006286_75413644.pdf, accessed 16.12.2020 (in Russian).

Popov F.A. (2012) *Geography of Separatism in the Contemporary World*, Moscow: Novyj Chronograf (in Russian).

Popov F.A. (2014) Spatial Aspects of the Degradation and Collapse of a Sovereign State. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, no 7, pp. 78–86. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_21787369_93818490.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Rabasa A. et al. (2007) *Ungoverned Territories: Understanding and Reducing Terrorism Risks*, CA: RAND Corporation.

Raufer X. (2000) New World Disorder, New Terrorisms: New Threats for Europe

and the Western World. *The Future of Terrorism* (eds. Taylor M., Horgan J.), London: Frank Cass Publishers, pp. 30–51.

Rosenau J. (2002) *The Governance of Fracture: Neither a World Republic nor a Global Interstate System*. Available at: http://aura.u-pec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf, accessed 25.09.2020.

Rotberg R. (1) (2003) Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators. *State Failure and State Weakness in a Time of Terror* (ed. Rotberg R.), Washington, D.C: Brookings Institution Press, pp. 1–25.

Rotberg R. (2) (2003) *When State Fail*, Princeton: Princeton University Press.

Schmitt-Egner P. (2002) The Concept of ‘Region’: Theoretical and Methodological Notes on its Reconstruction. *European Integration*, vol. 24, no 3, pp. 25–34. DOI: 10.1080/07036330270152196

Sebentsov A., Kolosov V. (2012) The Phenomenon of Uncontrolled Territories in the Modern World. *Polis*, no 2, pp. 31–46. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2012/2/3.pdf>, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Sergunin A. (2010) Sovereignty: Evolution of Concept. *Political Expertise: POLITEX*, no 4, pp. 5–21. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_16352861_69316232.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

Sidaway J. (2003) Sovereign Excesses? Portraying Postcolonial Sovereignscapes. *Political Geography*, vol. 22, no 2, pp. 157–178. DOI:10.1016/S0962-6298(02)00082-3

Silayeva Z., Bolshakov A. (2012) Phenomenon “Contested States” in Modern World Politics: An Influence of Actors or Tool of Global Games. *Political Expertise: POLITEX*, no 3, pp. 221–242. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20800345_54854104.pdf, accessed 25.09.2020 (in Russian).

South A. (2018) “Hybrid Governance” and the Politics of Legitimacy in the Myanmar Peace Process. *Journal of Con-*

temporary Asia, vol. 48, no 1, pp. 50–66.
DOI: 10.1080/00472336.2017.1387280

Staniland A. (2012) States, Insurgents, and Wartime Political Orders. *Perspectives on Politics*, vol. 10, no 2, pp. 243–264.
DOI: 10.1017/S1537592712000655

Tao R., Srtandow D., Findley M., Thill J.-C., Walsh J. (2016) A Hybrid Approach to Modeling Territorial Control in Violent Armed Conflicts. *Transactions in GIS*, vol. 20, no 3, pp. 413–425.
DOI: 10.1111/tgis.12228

Taylor P., Flint C. (2018) *Political Geography: World-Economy, Nation-State and Locality*, London: Routledge.

Turovskij R. (1999) *Political Geography*, Smolensk: Izdatel'stvo SGU (in Russian).

Wallensteen P. (2002) *Understanding Conflict Resolution: War, Peace and the Global System*, London: Sage.

Whelan T. (2006) Africa's Ungoverned Space. *Nacao & Defesa*, vol. 114, no 3, pp. 61–73.

Zayats D. (2020) The Phenomenon of Unrecognized States in the Modern World. *Geographical Environment and Living Systems*, no 1, pp. 53–69 (in Russian).
DOI: 10.18384/2712-7621-2020-1-53-69